

УДК 003

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ. ЯЗЫК НАУКИ. ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Э.А. Тайсина

Аннотация

Статья содержит философско-семиотические оценки культурных кодов в контексте парадигмальных изменений в мировоззрении и самосознании европейцев во время пост- и after-постмодернизма.

Ключевые слова: коммуникация, язык, познание, наука, культура, власть.

В условиях российской действительности исторически сложились два столичных центра, в которых в XX в. интенсивно велись соответствующие исследования: это Москва (лингвосемиотика) и Санкт-Петербург (филология и семиотика литературы). Семиотические школы возникли во второй половине истекшего столетия также в Екатеринбурге и Казани. (Тарту, где в знаменитом университете несколько десятилетий существовала семиотическая школа «вторичных моделирующих систем» под руководством Ю.М. Лотмана, остался за границей сегодняшней России.)

Десятилетия, истекшие в Европе после «лингвистического поворота», приучили читающую публику считать или, по крайней мере, именовать любой культурный код «языком». Оставляя в стороне вопрос о том, какая в этом существует необходимость, примем как факт, что в семиотическом измерении все знаково-символические системы в XX в. разделяются в самом общем виде на технические коды, собственно языки и «языки культуры». Их изучают, соответственно, семиотика техническая, семиотика языка и литературы, семиотика форм культуры (и искусства).

Теперь об особенностях *семиотического подхода* к языку. Семиотика – это также просодическая дисциплина, и она так же способна завуалировать различия материализма/идеализма, как и социолингвистика. Например, кому принадлежат следующие высказывания: «Термины... являются элементами, составляющими высказывание... Термин есть знак (signum) и, соответственно, основная функция терминов заключается в обозначении определенных объектов»? А также: «В собственном смысле слова и первично (primo et proprio) слова обозначают те же объекты, что и соответствующие понятия. Так, например, слово «птица» и понятие «птица» обозначают один и тот же объект – пернатое живое существо»? А они принадлежат тому самому средневековому схоластику Уильяму Оккаму, хотя под ними охотно подпишется любой современный семиолог-материалист (например, автор данных строк).

Родство семиотики и социолингвистики несомненно; можно сделать для краткости одну лишь ссылку на классика: «Первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность *символически*, и именно это сделало его коммуникатором». *Эдуард Сепир*.

Однако отличие семиотического взгляда на вещи состоит, во-первых, в том, что предмет семиотики много шире, нежели социолингвистики, то есть включает язык *наряду с другими* знаковыми системами; во-вторых, в соответствующей широте этого взгляда, каковой не сводится лишь к «третьей навигации»; и самое главное, в-третьих: семиолог *никогда* не отвлекается от обозначаемого разнообразными знаковыми системами, в том числе языковыми, *объективного мира*. Имя – смысл – *объект*, «третья вершина» знаменитого семантического треугольника, символизирующего структуру знака, каковой есть, в сущности, «сверток» семиотической ситуации.

Семиотический треугольник, известный под именами немецкого математика и логика Фреге и английских семантиков Огдена и Ричардса, имеет огромное, до конца не осознанное культурологическое и философское значение. Поистине, несмотря на блеск упомянутых выдающихся имен, он сложился задолго до самой семиотики или, тем более, социолингвистики. Обратимся к важному произведению Вяч. Вс. Иванова «До – Во время – После?» [1] – предисловию к книге: Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон А., Якобсен Т. «В преддверии философии» (как, собственно, и к самой книге [2]). Во вводной статье он рассматривает так называемый «Мемфисский богословский трактат» – документ, связанный с идеей *творения*, оригинал которого обычно датируется серединой III тысячелетия до н. э. (если не полутысячелетием раньше). Это самый первый известный нам философский текст. «...творение выражается в философских терминах в той мере, в какой египтянин был вообще на это способен: мысль, посетившая сердце бога, и произнесение повеления, воплощающего эту мысль в реальность. <...> Здесь <...> мы вплотную подходим к подоплеке учения о Логосе в Новом завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [2, с. 66]. Так сложилась основная идея семиотики культуры, она же лингвосемиотика, – еще на самой заре писаной истории.

Меняется ли ветвление семиотики в XXI в.? Возможна ли, например, «семиотика природы»? Куда, к какому ведомству отнести такие функциональные стили, как язык науки и язык политики, – несомненные реалии цивилизованного общества? В каком соотношении они находятся с языком культуры? Можно ли, например, заявить, что язык культуры – это язык науки плюс язык политики плюс язык эстетики? Не все эти вопросы получили на сегодняшний день однозначные решения.

Ограничения возможностей применения семиотического подхода являются разнородными. У. Эко, например, говорит о «политических» и «естественных» ограничениях.

«Политические» ограничения, в свою очередь, подразделяются на «академические» ограничения, связанные с тем, что семиотика стала отдельной дисциплиной сравнительно недавно, хотя комплекс семиотических идей разрабатывается с античности; «товарищеские» ограничения со стороны сопредельных наук, достигающих важных для семиотики результатов, так сказать, «попутно»;

«эмпирические» ограничения, связанные с недостаточным развитием самой теории знаков.

«Естественные» ограничения объясняются незнаковой природой множества объектов.

К этому можно добавить, что существуют и ограничения философского характера, ибо, хотя категории семиотики в целом ряде случаев достигают гносеологической, но они не достигают онтологической всеобщности. Мир сам по себе не представляет системы знаков, не «заряжен», вопреки расхожему профанному мнению, информацией, ничего не «говорит» субъекту познания; лишь сам человек может придать смысл явлениям природы. Поэтому семиотика не в состоянии подменить философию.

Однако справедливым представляется, что просодический характер знаковых средств в человеческой культуре, особая универсальность семиотики в сфере бытия человека связаны с наличием более фундаментальных, чем иерархический или конкурентный (линейно-вертикальный или линейно-горизонтальный), способов взаимодействия субъекта и объекта в качестве элементов знаковой ситуации. Открываются все новые «лучи», «созвездия», «ярусы» семиотических идей; в силу сквозного характера они пересекаются со все большим количеством дисциплин, перекрывают дискурс культуры, умножая каналы информации. Научная и художественная рефлексия вызывает к жизни все новые семиотические средства. Разнообразна их трактовка с позиций разных дисциплинарных сфер.

Есть и дополнительные вопросы. Они касаются пресловутой множественности дефиниций культуры (в узком смысле, в широком смысле...), ибо, если мы признаем, что культура – самое широкое определение социума и чуть ли не его синоним, то нет необходимости специально выделять упомянутую третью ветвь семиотики и теряют смысл такие словосочетания, как «философия *и* культура», «культура *и* искусство», «язык *и* культура». Кроме того, следует подчеркнуть существующие нетривиальные различия между концептуальными комплексами «язык/языки культуры» и «культура как язык». Они отображают общефилософскую проблему взаимосвязи уникального и универсального. Наконец, остается в силе вопрос о разветвлении единых прежде (в рамках философии, вплоть до XIX века) лингвистики, озабоченной проблемами структуры и функций *языка*, тяготеющей к семантической однозначности даже в части прагматики, и филологии, имеющей более широкий предмет и иной метод: сегодня это интерпретация *текстов*. Соответственно, является серьезной натяжкой объединение семиотики языка и семиотики литературы в одну теоретическую дисциплину, хотя в своей вводной статье к сборнику работ «Семиотика: Антология» такой признанный мэтр, как Ю.С. Степанов, (по-прежнему) полагает это возможным¹.

Философский постмодернизм, развивавшийся в последние десятилетия в Европе и Америке, продемонстрировал имеющиеся различия между *лингвосомиотикой*, *ориентированной преимущественно (нео)позитивистски*, и *семиотикой* художественной литературы, а расширительно – и культуры вообще, *ориентированной, так сказать, постпозитивистски*. Кантианская основа по-

¹ См. аннотацию и вводную статью к [3].

зитивизма не меняется, обеспечивая глобальную преемственность самого философского направления; однако известна и глубокая, существенная обособленность стадий его развития. Собственно, «лингвистический поворот» и явился эмблемой перехода позитивизма из третьей фазы в четвертую, современную.

Словосочетание «язык культуры», в эпоху господства неопозитивизма бывшее разве что красивой метафорой, такой же, как галилеевский «язык природы», стало в последнее время *термином*. Это произошло, когда превратилось в общее место (нео)кантианское убеждение в том, что между «субъектом» и «объектом» познания стоит непроницаемый щит, или экран, культуры, причем самым главным ее компонентом или репрезентантом, символически концентрирующим и воплощающим квинтэссенцию культуры, является *язык*.

Предпосылочное, фоновое знание и знание о нем парадоксальным образом вытеснило на периферию исследовательского интереса фокусное, концептуальное знание (и знание о нем). Тем могущественный первобытный Объект был превращен в знаменитую непознаваемую кантианскую вещь-в-себе, и теперь для наблюдения от него остается лишь «объект», феномен, неразрывно связанный с наблюдателем, превращенным, соответственно, из Субъекта в... не только не в автора, но даже не в читателя, а в самопорождающий и самопознающий Дискурс (в лучшем случае – Текст). Социокультурные ценности преваляют над бывшим идеалом объективно-истинного знания, раскрывающего законы и трактующего сущность. Подобные концепты предназначаются постмодернистской синтагматикой для гербария курьезов в лавке древностей или музея истории *и* культуры, в лучшем случае.

Экзерсисы постмодернизма, увлекательные и сами по себе, имели еще ту ценность, что явно продемонстрировали общий современный отход от аристотелевско-гегелевской максимы: основания бытия и основания познания *в сущности одни и те же*. Возобладала кантианская максима: они не одни и те же, причем об основаниях бытия мы ничего не знаем и знать не можем, а знаем или потенциально можем понять только то, что априорно содержится в знании, причем *скрыто*, прячась в формах и нормах родного языка, мифа, традиции, коммуникации, художества, религиозно-мистического озарения, бессознательного творчества и пр. Твердо и однозначно, как хотела бы «строгая наука», познать надежно скрывающуюся сущность того, что в культуре, невозможно; зато возможен и даже весьма желателен герменевтический круг, или, можно сказать, венок интерпретаций. Феноменально он и составляет культуру (объектный язык) и одновременно ее критику (метаязык).

Отчасти соглашаясь с таким результатом развития европейского самосознания и европейской, в том числе отечественной, философии, полагаю необходимым предложить следующий комментарий.

Прежде всего, эпоха Просвещения, ныне чаще именуемая «модернити», отменила тотальный символизм средневековой культуры, а эпоха «постмодернити» вернула его на место. Я бы сказала, что это может служить еще одним хрестоматийным примером гегелевской спирали развития: возврат к старому на новой основе. И если Фрэнсис Бэкон предупреждал ученый мир относительно вреда для работы сознания известных «призраков», или идолов, то, как кажется, эпоха «модернити» стремилась побороть их все (и самым крайним

выражением эмпиризма стал в новейшее время именно классический позитивизм), а эпоха «постмодернити» признала за всеми ними неоспоримую силу и влияние (при том что она оттеснила на этапе постпозитивизма старый эмпиризм и заменила его неким «теоретизмом», провозгласив теоретическую нагруженность опыта и мировоззренческую нагруженность науки в целом).

Далее. Думается, что реализацию тенденции борьбы со всеми четырьмя группами идиологов можно видеть на примере языка науки, понимаемого в духе раннего Витгенштейна и Венского кружка, реализацию тенденции к сдаче позиций в этой борьбе – на примере культуры постмодернизма, а реализацию тенденции к утверждению незыблемости призраков – на примере языка политики, начиная с Николо Макиавелли. Тривиально было бы заявление, что метафоричность и субъективизм языка науки стали ясны после трудов Карла Поппера, и наоборот, что язык политики должен быть недвусмысленным, ибо двусмысленность чревата политическими осложнениями вплоть до военных действий. Да, сейчас хорошо известно, как изменился идеал науки в последнее время... Так же хорошо известно, что клишированные метафоры языка политики (пример из реалий советского времени 1960-х годов: «...таскают вязанки сырого хвороста к чадящим кострам антисоветизма» – это значит, в Пекине открылся 6-й съезд коммунистической партии) вполне однозначны. Здесь, однако, хочется поставить иные акценты, а именно: видимо, Ф. Бэкон был прав в отношении двух первых видов «призраков» – *idola tribu et idola specu*. Борьба с ними вплоть до уничтожения невозможно, есть только вероятность ослабить их (вредоносное) воздействие на разум. Однако две другие группы, *idola fori et idola theatri*, с тех пор для образованной, ученой публики либо являются мишенью критики и преследования, вплоть до изгнания (язык науки), либо в полной мере владеют полем смыслов и ценностей, пронизывая сознание, никакому изгнанию не подвластны и не подлежат (язык политики). Семиотически рассуждая, язык науки выстраивают «абстрактные» синтактика и семантика, язык политики – богатейшая прагматика. В этом смысле он гораздо ближе к языку художественной литературы и философии, нежели к языку так называемой «строгой науки».

К чести языка политики о нем можно сказать больше. Вплоть до последних десятилетий времени (вероятно, не вполне зрелого и не вполне признанного естествознанием) расцвета социально-гуманитарных наук, когда острием прогресса по-прежнему признается физико-технический комплекс, – общий термин «наука» все же относился к *строгой рациональности*, идеалу негуманитарного знания. Научная рациональность в таком смысле – это, так сказать, «усиленная» рациональность. Основные свойства научной рациональности: объективность (эмпирическая или теоретическая), однозначность, доказуемость, верифицируемость (эмпирическая или аналитическая), способность к модификациям кодов, происходящим по строгим правилам селекции и комбинаторики, – прямо проектировались на требуемый функциональный стиль, призванный обслуживать *такую* науку. И при всей информационной привлекательности, при всех заслугах язык *такой* науки имеет, по крайней мере, один методологический недостаток – наивную веру в *познаваемость объекта из себя самого* – и один мировоззренческий недостаток – бессубъектность, «вынесение за скобки» всяческой гуманитарности.

В отличие от этого, язык политики всегда был ее средоточием. Семантически это сложный комплекс этических, идеологических, экономических, психологических и иных «субъектных», социо-гуманитарных измерений. И, будучи прямым выражением не столько этически-должного, сколько психологически и экономически наличного, язык политики есть дискурс самой практики, ее идейный мессидж. А практика, и это с начала прошлого века признано в нашей философии, является не только истоком, основой, целью познания и критерием истины, *но и определителем связи субъекта и объекта в познании*. И это не субъективный идеализм кантианства, не последнее открытие постмодернизма – это мысль диалектического материалиста, с которой хочется выразить полное согласие.

И точно так же, как строгая логика отвергает доводы *ad hominem et ad publicum*, зато риторика признает и разрешает их, именуя «доводами к пафосу» и «доводами к этосу», язык политики, социальная призма, преломляющая все общественные отношения, в отличие от птичьего языка «строгой науки», возвращает человеку «правду жизни», сладкую или горькую – неважно, однако в соответствии с закономерностями, раскрытыми в концепции лингвистической относительности Сепира – Уорфа – Вайсгербера.

Потому что это все-таки язык.

Язык науки пишет картину мира.

Язык политики пишет картину социума.

Язык культуры пишет картину – точнее, автопортрет – человека.

Summary

E.A. Tajsina. Language of Culture. Language of Science. Language of Politics.

The article contains a philosophical-semiotic estimation of culture codes in the context of paradigm changes in outlook and self-consciousness of Europeans in postmodern and after-postmodern times.

Key words: communication, language, cognition, science, culture, power.

Литература

1. *Иванов Вяч. Вс.* До – Во время – После? (предисловие) // Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. Т.Н. Толстой. – М.: Наука, 1984. – С. 3–21.
2. *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. Т.Н. Толстой. – М.: Наука, 1984. – 236 с.
3. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

Поступила в редакцию
13.02.08

Тайсина Эмилия Анваровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Татарского государственно-педагогического университета, г. Казань.

E-mail: *Emily_Tajsin@inbox.ru*